

Владимир Турчков

ШТРАФНАЯ РОЩА

Ниссан
2005

Владимир Пучков

ШТРАФНАЯ РОЩА

Стихи

**Николаев
2005**

ББК 84(4УКР-РОС)6-5

УДК 821.161.2

П 90

В. Пучков

П 90   Штрафная роща. Стихи. - Николаев:
ЧП Гудым И.А.; 2005. - 88 с.

ISBN 966-8592-14-X

Поэт, живущий в Николаеве, наряду с новыми стихами включил в эту книгу ряд произведений прошлых лет. Поэзия Владимира Пучкова, яркая, метафорическая, богато инструментованная, органически связанная с Северным Причерноморьем, продолжает и развивает традиции «южной школы» русской поэзии.

**В оформлении использованы
фотографии Александра Кремко
и фрагменты офортов Владимира Бахтова.**

**Книга издана при поддержке
Николаевского городского головы Владимира Чайки.**

© В. Пучков, 2005 г.

© Издательство ЧП Гудым И.А., 2005 г.

* * *

Разве этим я смолоду грезил -
Речи гладки, да взор вороват...
Выбираюсь из бархатных кресел:
не по мне, говорю, виноват.

До рассвета тебя не тревожа,
отодвинусь, нашарив халат.
Закурю на крылечке, и тоже:
виноват, бормочу, виноват.

ЗИМА В ЧЕРНОМОРКЕ

Катерине

Сверну ненадолго - затейливая блажь! -
и выйду к берегу, по-зимнему неловок,
где в льдистых надолбах

заиндевелый пляж
хранит следы твоих кроссовок,
где грудой свалены на мерзлом хоздворе
стальные пузыри цепных плавучих ядер,
где хрипло тужит

вмерзший в берег в декабре
дощатый летний дебаркадер.

Уже не тот ландшафт... Года, как жернова,
размалывают плоть живого материала!..
Любовь моя! Ты все-таки жива -
ты просто голос потеряла!

Ты песен заказных не можешь петь с листа...
В пространстве ледяном,
в покое одиноком
над берегом родным стоит одна звезда -
и смотрится в меня
немым молящим оком.

ШТРАФНАЯ РОЩА

Налегке, черны и тощи,
мы живем в ольховой роще
на приморских хуторах,
на двенадцати ветрах.

В доме чище -
в роще проще:
гуще воздух, тени резче.
Вещи сны,
поскольку в роще
не отягощают вещи.

Утром облачки румяны,
ловит наш ольховый храм
огнедышащей моряны
волхованье по верхам.

Лишь мобильник заколдован -
будто некий мистер икс,
выставляя встречный иск,
глушит голос закордонный -
рванный вой, морзянки писк.

Штрафная роща

Меня кто-то набирает -
но морзянка напирает.
(Средь лапчаток и пыреев
схемы ямбов и хореев
дивным пеньем марсианки
отпечатались в морзянке).

В комбинациях цифири
зашифрована война.
То ли глючит от чифири,
то ли ключ пропал в эфире:
«Нету связи, старшина!..»

В рощу брошен был когда-то
взвод саперов из штрафбата.

Пили вяло.
Пилы были.
У саперов спины в мыле.
Лес пошел на блиндажи.
Блин, дожить бы не по лжи!..

Что вы, тетки, слезы льете -
взвод, как роща, мертв уже.
Всех накрыло при налете
в том ольховом блиндаже.

Колыхнется занавеска
в близлежащем из жилищ...
Эта роща - дочь подлеска,
что взошел от корневищ.

Не ольховник, а могильник.
Лучше вырубить мобильник!..

Хутор степью окантован,
и от пней, что в два обхвата,
тянет руки лес фантомный
за обмотками штрафбата.

ПЛАЧ ПО КАЗАЦКИМ ЛЮЛЬКАМ

Юрию Мезенко

Ночью шторм лютовал -
  утром блики гуляют, как тюльки.
На заливанной отмели дремлют казацкие люльки.

Их лиман отдает после каждого шторма как плату,
их придонные струи выносят под каждую хату -
носогрейная глина, черепье, пустышки, бирюльки...
Я иду по воде, собираю казацкие люльки.

По сыпучей лагуне, по дну, что пружинит, как сито,
по жаровне шипучей, в которую влаги налито,
по Кинбурнской косе, по ее мелководному краю -
после шторма обломки погасших веков собираю.

Слепки вздохов глубинных,
  чудные сопелки-кривульки -
на лоснящейся отмели млеют казацкие люльки.

Сколько было по свету сражений, и сечей, и рубок -
тут осело оно, переметное кладбище трубок.
Может, выше: в излучинах Буга, Днестра да Ингула -
дым прокуренных легких воронка столетий втянула?

Водяной мертвовод, чье туннельное верткое тело
сквозь эпохи прошло -

вырываясь из рук, просвистело!..

Омут штопорной тяги. Бегущий виток мясорубки:
раз! - и нет никого. Только ил набивается в трубки.

Нескончаемый брод... Примеряю на ощупь следы,
из которых растут родники преисподней воды.

Где ты, время взрывное?

Твой выброс песками притушен.

Мертвой зыбью стоит безголосый эоловый вой...

Лишь торчат чубуки -

перископы, свистульки отдушин,
и прилив набухает над кромкою береговой.

ПИСЬМО

Оксане Тихончук

В меру оснащен и независим,
незаметно убыстряя шаг,
я живу, не получая писем -
частных, не по службе, просто так.

Мир со мной общителен и ласков:
ломаются за тридевять земель
деловые отпечатки факсов,
виртуальные шрифты e-mail.

Но живое слово человечесь
просится с душой побыть в ладу -
лугом, спотыкаясь о наречья,
речь вести, как лошадь в поводу.

Сопричастным вздохом заплетая
мысли нарождающийся путь,
в паузе, где дремлет запятая,
перышко в чернильницу макнуть.

И судьба аукнется, поверьте! -
задохнувшись, прилетит само
в рукописном розовом конверте
женское душистое письмо.

СВЕЧА В ОКНЕ

Когда на улице темно,
когда за стеклами - ни зги,
не занавешивай окно,
свечу старинную зажги:
как тайный почерк, от огня
лицо проявится в окне...
Ты - обманувшая меня,
ты - обращенная ко мне.

Гуляет ветер, теребя
гремучие подолы крыш,
и снова страшно за тебя -
как беззащитно ты горишь!
Исчезнешь в сутолоке дня,
под утро явишься во сне...
Ты - не простившая меня,
ты - обращенная ко мне.

Я знаю, здесь твое жилье,
в стекло неслышно постучу -
сквозь отражение свое
увиджу вновь твою свечу.
Дрожишь, мерцающая и маня,
в недостижимой вышине...
Ты - не забывшая меня,
ты - обращенная ко мне.

ПОКРОВСКАЯ ОЖИНА

Поэма

В фокусных переплетах
окон, как в фотораме,
пчелы в небесных сотах -
звезды над хуторами.
Ноет в калитке тихо
сорванная пружина,
боком шуршит ежика -
там, где живет Ожина.

Кто на подворье ступит -
брови Ожина супит,
ловит она на слове,
любит она - до крови.
Было б сполна в коморе
рыбы, вина и хлеба!
Там, где верста до моря,
дальше - верста до неба.

Трудно в шаланде зыбкой,
даже в мечте ребячьей,
плыть не заветной рыбкой,
а сиротой рыбацкой,
с нежностью притаенной
раннего ждать заката
дочерна прокаленной
дочери интерната.

Штрафная роща

Круто моряна солит,
ловко Ожина ранит:
не подпускает - колет,
вцепится - не отстанет.
Плети навскидку мечет,
когти в засаде точит -
болью Ожина лечит,
счастья Ожина хочет.

Может, в избытке
сладкой
ягоды навязалось?
Тот отпускник с палаткой:
что-то в нем - показалось...
Дивным косила оком,
шагом дразнила шатким,
щедро поила соком -
черным, дремучим, сладким.
Нежностью тяжелела,
встречным теплом жила,
жалила - и жалела,
жалилась - и журилась:
«Было б сполна в коморе
рыбы, вина и хлеба!
Если верста до моря -
значит, верста до неба...»

Утром смыкала створки,
разом смывала в море -
от интернатской хлорки
до inferнальной хвори!
И в низовой ветрянке
как-то отсохло сдуру
все, что привил по пьянке
нежный залетный гуру.

Волосы в узел стянет,
губы до слез кусая,
выйдет к лиману,
станет
в мокрый песок босая.
Дышит тепло овечье,
ноги в щекотке дафний...
Оспинка на предплечье -
след от прививки давней.

ЯГОРЛЫК

Сизое взморье, соль да колючки,
над островами - тучки, как вата.
На заповедной птичьей толкучке
замаскирован пункт перехвата.

Будто антенки скрытной расцветки -
в роще маслиновой сизые сетки.
Под камуфляжем - приборы и папки.
Хочешь - лети!
Но - с колечком на лапке.

Вас до сих пор лаборанты не трогали,
от ежевики грудка в рубинах,
но и до вас добрались орнитологи,
птицы из племени воробыных.

В ситцевом небе - черные латочки,
а пилотаж - сумасшедшей огранки,
кто же донес, деревенские ласточки,
будто и вы по натуре - мигрантки?

Татуированные махаонища
в этом сезоне - вне номинации.
Будто униженная дюймовочка,
восьмиграммовая мухоловочка
бьется в тенетах - ждет нумерации.

Не раболепна, не габаритна -
пулей сквозь пальцы - будь ты неладна!
Но избавленье из лабиринта -
в ласковых лапищах лаборанта.

Взвесит в кульке целлулоидном ловко,
птичку поставит - лети, мухоловка!
Визу отметят в пункте конечном.
Вольному - воля... Только - с колечком.

Сорокопуды, гаги и лыски -
в пункте транзитном, морем разморенном, -
нас миновали пайки и миски.
Вольному - воля. Штампик прописки.
Вольному - Volvo. С четким госномером.

Пусть не гулаги и не шпицрутены,
но, как положено певчим натурам,
гнездышки наши и наши маршруты,
милая, всё - под прицельным прищуром!

Косы, озерца, ходы осетровые...
Что ж меня гложет вина без вины?
Голову вскину - сети шатровые
в выцветшем небе еле видны.

РАКУШКА

Я тебя выбрал из тысяч, и тысяч, и тысяч -
там, где моряна, солеными космами тычась,
будто старьевщица, вялым круженьем руки
перебирает пустые свои черепки,
там, где на солнце искрит перламутровой крошкой
хрусткий мысок за дощатой артельной сторожкой
и, желтоват, как медовый налив кураги,
катится к вечеру край курая и куги.

Я тебя выбрал из тысяч и тысяч ракушек -
хрупких ледышек, витушек, румяных простушек,
смуглых ладошек, сложенных играть в перстенок...
В сонмище томных красавиц - тебя подстерег.

В солнечной пустоши, где, воспаленные солью,
крепко взялись в хоровод ставниковые колья,
я тебя выбрал из тысяч, и тысяч, и ты -
взвихренным кружевом окаменелого танца
кажешь бесстыдный испод розоватого глянца...
Кануло лето. Пусты твои недра, пусты.

ВОЕННО-МОРСКИЕ УЧЕНИЯ «СИ-БРИЗ-2002»

Ты сегодня неприступна, как турчанка,
вместо взгляда - ядовитая игла.
Ах, какая нехорошая молчанка
спозаранку между нами пролегла!
Полководцы изготовились к атаке,
экипажи заступили на рубеж.
На болотце - мешковина цвета хаки,
а на пляже - парусина цвета беж.

И торчат на горизонте полуголом
силуэты иноземных атташе,
и страдает над приморским полигоном
чья-то чайка, размечтавшись о душе.
Ты не бойся, я не шулер и не хакер,
я не стану пробивать в защите брешь!
Греет ноги мешковина цвета хаки,
тешит душу парусина цвета беж.

У болотца расплелась дорога на три -
за три моря, на чужую сторону...
На укромном миротворческом театре
неприлично репетировать войну.
Ходят волнами в ногах степные злаки,
в блесках море, будто праздничный манеж...
А под нами - мешковина цвета хаки.
А над нами - парусина цвета беж.

СЛЕД БОЛОТНЫЙ

Где дышится и поется
с запасом на целый год,
лугами в обход болотца
нас к морю тропа ведет.

Шагни - и обратный слепок
пружинит ступне в ответ...
Откуда ж он взялся - слепо
в болото свернувший след?

Над топи мазутной бочкой
цепочка босых шагов
двоится намокшей строчкой,
как грубый джинсовый шов.

Дурачество экстремала?
Иль дачница задремала -
с тропинкой теряя связь,
хрясь в грязь?

А может, секут испытые
болотные упыри,
как грязью себя испытывает
пай-девочка на пари?

Штрафная роща

Пора уже звать по отчеству, -
ты мне говоришь, искрясь.
Все - посуху? Всё - по чисту?
Ты ж - в грязь!

Скажи мне, Господь всезнающий,
если Ты есть вблизи:
откуда он в нас - изнаночный
соблазн оторваться в грязи?

«Лишь тот, кто из грязи - в князи,
стыдится коснуться грязи».

И вышел из-за скалы
Он сам, из крови и плоти.
Одежды его - белы.
Подошвы его - в болоте.

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

Сегодня ты поймешь,
откуда так знакома
рука, что, исчерпав
простой любовный код,
черкнула наискось
в кабине таксофона:

«Я

буду ждать
тебя
у Золотых Ворот».

На перекрестке
трехминутном,
двухгрошовом,
где стекла выбиты
и ветер ворот рвет,
крошишь, цветной мелок,
заговоренным словом:

«Я буду

ждать тебя
у Золотых Ворот».

Штрафная роща

Напрасно не звони
и никого не мучай,
любви своя пора,
разлуке свой черед.
За сахарной горой,
за аспидною тучей
я буду ждать
тебя
у Золотых Ворот.

* * *

Уходи, покуда снег не выпал!..
Я сегодня руки разниму:
уйди, покуда не засыпал
он тропинку к дому моему.

Уходи, любимая, смелее
и скорее,
потому что нет
ничего печальней и больнее,
чем увидеть
твой -
отсюда -
след.

ПЕСЕНКА О ВСТРЕЧЕ НА СТОЯНКЕ ТАКСИ

Ты вновь эту руку целуешь,
повинной склоняясь головой.
- Любовь, у кого ты ночуешь?
- У добрых людей, мой родной.

Ты скомкано и торопливо
бормочешь любезный пустяк:
- Любовь, ты все так же красива...
- Неправда, мой милый, не так.

И стайка полынного пепла
отпархивает от колес!..
- Любовь, от чего ты ослепла?
- От слез, моя радость, от слез.

ЛЬВОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Я люблю этот город, его снеговые холмы,
тесноту переулков с ванильным настоящим бытом,
и лепнину карнизов, и звон ледяной бахромы,
и парной чернозем, что под вечер густеет, как битум.

В малом сквере треуголом
хрустел подмороженный март,
ранний сумрак таился в еловых негнущихся лапах.
Но троллейбусный свист
настигал, как ловецкий азарт,
и катился по снегу кофейни тропический запах!

Над каленой жаровней рождался невидимый чад,
нескончаемый вечер
был крепок, и сладок, и черен...
Ты сидишь, посмуглев,
ты молчишь, потерявшая счет
черепашкам -
из чашек ползущих -
раздвоенных зерен.

Штрафная роща

Ты навстречу спешила, не слыша хулы и молвы,
ускользала из дома, таясь все хитрей и коварней,
и над нами неслышно парили крылатые львы -
над любовью моей,
над возлюбленной нашей кавярней.

Я люблю эту площадь, где сквер, и кофейня, и ты...
Я люблю этот город с его снеговыми холмами,
где горит общепита очаг и, доныне чисты,
два крыла бескорыстных
невидимо плещут над нами.

СТАРЫЙ БЛОКНОТ

Я собирал свои чувства в копилку:
думалось - впрок,
выпало - в прах.
Даже тебя создавал под копирку:
думалось - друг,
выпало - враг.

Я собирал свои чувства в блокноты,
прочерки ставя
там, где слова.
Даже тебя сокращал, как длинноты.
Где ты теперь,
чем ты жива?

Цифры царапнутся - чей это номер?
Звякнет в копилке
ломаный грош...
Господи, как я себя экономил!
Все отдаю -
ты не берешь.

Штрафная рожа

---

* * *

Мне грустно -
потому что мне не больно
твою измену угадать невольно.
Мне страшно оттого,
что мне не сложно
смолчать тогда,
когда молчанье ложно.

Веселый мятный холодок свободы,
вечерних электричек перегуды...
И наши обеспеченные годы.
И наши обесточенные губы.

Лети, любовь, -
румяный детский шарик!
Минувшее,
не слышу - не зови!..
Как беспощадно будущее
шарит
зенитными лучами нелюбви!

ОТМЕЛЬ

Утром лежишь, золотая от сна,
Свежая, нежная...
Ты мне насквозь, до песчинки, ясна,
Отмель прибрежная.

Илом летучим вспухают следы,
Стайка щекочется...
Завтра достигну глубокой воды,
Нынче - не хочется.

Чиркнет пунктиром по глади голыш...
Хоть бы не отняли
Чуткую пустошь, слепящую тишь
Утренней отмели!

КИНБУРНСКИЙ ОФОРТ

Владимиру Бахтову

Закрой глаза перед картиной:
как молодой косяк хамсы,
сверкает цинковой пластиной
тугое тулово косы.

Объемный мир, познания ради,
на скользкой плоскости растерт!..
Игра иглы и голой глади.
А называется - офорт.

Штрафная роца

Любой узор для ока лаком:
на белом противне песка
лоснятся баклажанным лаком
закрылки жаркого жука.

Его глазами сверху глянешь:
внизу, где сосны, пляж и зной,
уже смуглеет липкий глянец
коптильни, скрытой под землей.

Барашки волн сейчас проснутся,
стряхнув невидимую кладь...
Они вот-вот соприкоснутся -
игла и угольная гладь!

Как на офорте неготовом,
который только что возник,
чернеет фотонегативом
косы отточенный плавник.

Густую сеть штрихов и крапин,
влажня, впитывает глаз.
Как буквы спекшихся царапин -
они темнеют напоказ.

Сухие оспины росинок
белеют солью на щеке...
Вся жизнь слагается в рисунок
на чернолаковой доске.

РЕМОНТ

Вот уже третий месяц душа пуста:
я не вижу маму, сестру, отца.
Между мной и родными - ремонт моста,
и проезд ограничен в оба конца.
А рассвет синеок, и закат румян,
но не стынет раствор, не берет цемент.
Я твержу себе: если бы не ремонт,
мог бы мигом домчаться в любой момент.
Видно, так уж устроен мой подлый мозг,
изворотливо правит свой легкий суд.
Я забыл, что, покуда открыт был мост, -
заезжал в кои веки на пять минут.

МИЧМАН В.И.ДАЛЬ В НИКОЛАЕВЕ (1823)

Анатолию Золотухину

Гарнизонный ноябрь.
Офицерши страдают мигренями.
Командирские ставни сечет ледяная крупа.
Выступают в поход
офицерики с брига «Мингрелия»,
им уездные барышни дарят прощальные па.

По песчаным колдобинам,
с дач, заколоченных загода,
интендантские фуры везут с барахлом сундуки -
мимо Спасских купален,
где листья притоплены в заводях,
где у свай под мостками в засаде стоят судаки.

От любви и простуды
перцовой горилкой подлечишься,
и окажется, мичман, тебе этот город - родней:
тут в матросских харчевнях
евреи толкуют по-гречески,
и чубатые хлопцы заморенных поят коней.

В юном городе, мичман,
Николиным именем названном,
продувном, просквоженном
насквозь, от макушки до пят -
завезенные розаны
тырсой укутаны на зиму,
даже в церкви слышать,
как сосновые мачты скрипят.

Здесь исполненным долгом
имперское сердце утешится,
подрастив мастеров во главе корабельных ватаг.
Государственный город,
где дальнему дыму Отечества
не дает застояться крестатый андреевский флаг!

ВОСПОМИНАНИЕ О КОННОСПОРТИВНОЙ ШКОЛЕ

Эмилю Январеву

Пароходик уходит за кадр,
зарывается в волны закат,
и вода -
золотую заваркой
за Варваровкой...
Одноклассница, милый подросток!
У завистливых глаз на виду
мы вели по тропиночке острой
вороного коня в поводу.
Спотыкались копыта о гравий,
конь разламывал воду, горяч.
А кругом зеленели овраги -
там тогда еще не было дач.
Там от воздуха птицы пьянели,
и высокие травы росли,
и почти невесомо висели
над водой чернобривцы-шмели...
Вкус черешен, начало каникул.
Оглянусь, будто кто-то окликнул
из июньского детства меня!..
Табунок пацанов на лужайке,
и девчонка в динамовской майке,
и чудесная морда коня.

КУКЛЫ

Татьяне Бахтовой

Груди - выпуклы, щеки - впуклы,
Навострился под челкой глаз...
Мы сегодня играем в куклы,
Ну а куклы - играют в нас.
Платье в рюшиках. Строгий пальчик.
Пыльный занавес. Вольный стиль.
Кукла - девочка.
Кукла - мальчик.
Кукла - пудель по кличке Тиль.

Нацепив парики из пакли,
Заломив со значением бровь,
Водим кукольные спектакли
Про коварство и про любовь.
Среди чаек, судьбу молящих,
Одиноки на сотни миль
Кукла - девочка,
Кукла - мальчик,
Кукла - пудель по кличке Тиль.

Штрафная роща

Полусладкий глоток свободы,
Да в цветах лоскутный уют...
Кабинетные кукловоды
Своевольничать не дают.
Но курится в саду мангальчик,
Мы его не сдадим в утиль.
Здравствуй, девочка!
Здравствуй, мальчик!
Здравствуй, пудель по кличке Тиль!

ОЛЬВИЙСКИЙ ПРИЧАЛ

Валерию Карнауху

Нас мало, товарищ.
Нас, может быть, трое иль пятеро.
На сданном плацдарме
сидим в ожидании катера.
Но он не придет:
никакие варяги и греки
не вывезут нас -
этот берег потеряян навеки.

Мы выросли здесь,
поклоняясь идеям и книгам.
Века обученья,
зато одичание - мигом!

Былые вожди
обернулись ворами в законе,
святые криницы
зияют болотцами затхлыми,
на рыжем обрыве
храпят киммерийские кони,
и лучник раскосый
трясет азиатскими патлами.

Нас мало, товарищ,
нас пятеро, может, иль трое -
на микроскопической
пленке культурного слоя.

Штрафная роща

Подмоги не будет.
Как почва, осядет осанка.
Сизифовы камни
со свистом покатаются вспять,
когда стригунок
на бегу обратится в мустанга
и чайная роза
шиповником станет опять.

Нас мало, товарищ,
но мы, как шиповники, цепки.
На мутном лимане -
ни мачты, ни шлюпки, ни щепки.
Мерцает село
керосиновыми фонарями.
Подмоги не будет -
кому мы нужны за морями!

Сквозь рыжую глину
упрямые корни растут.
Звенит тишина -
дивный голос из амфоры вынут.
Парутинской чайке
до Господа лету -
пятнадцать минут,
а мы соберемся в дорогу -
столетия мінут...

СТЕПКА

Поэма

Откуда он взялся?
Прибился просоленной щепкой -
калека-пацан
с васильковой улыбочкой цепкой.
Взошел сорняком,
незаметно набрался силенок
на тощей земле,
где хватало земли для землянок.

Немого придурка
жалели рыбацкие вдовы,
на ржавых полях
добывал он свинец для грузил,
ходил пастухом,
и его понимали коровы,
когда он мычал
или куцей культею грозил.

Кряхтят хутора,
отрываясь от зимних лежанок.
В глуши заповедной,
где море, безлюдье и зной,
сквозь перья осоки -
тела отпускных горожанок
назойливо светят
укромной своей белизной.

Штрафная роща

Тянуло, влекло...
Выбирая змеиные тропки,
он крался, и медлил,
и вдруг - как пружина, прямой! -
в глазах вырастал...

Но его выносили за скобки -
он был для приезжих
частицей природы самой.
Короче, никто не смущался
присутствием Степки.

За ним, пацаны,
мы бежали когда-то:
немой!..

Неведомо как
он освоил зимой фотодело,
и с новым сезоном -
в засаду, сутулый, как волк.
Едва без присмотра
расслабится грешное тело -
он ловит момент
и, осклабясь, фиксирует:
«Щелк!..»

Он стал вездесущим.
Лишь только, сомлев от загара,
на вымытом пляже,
шершавом и скользком, как шелк,
в библейской истоме
забудется нежная пара -
вдруг шторка взлетит,
и ловушка захлопнется:
- Щелк!

Гоняли его,
настигали его и лупили.
Но все, кто теперь
единенья с природой искал,
хоть кончиком слуха,
хоть краешком ока ловили
в шуршанье осоки
его васильковый оскал.

...Над белою мазанкой -
облако белого цвета.
Я свистну знакомо -
и Степка, как в детстве, признав,
на сонной меже,
на краю заповедного лета,
мыча дружелюбно,
ухватит меня за рукав.

Штрафная роца

В берлоге, где киснет
фиксаж пополам с никотином,
в зашторенной хате,
где тошно и тесно двоим,
кольчатые пленки
по стенам ползут серпантином -
как черные стружки,
с запретного снятые им.

Так что мне, дружище?
В замочную скважину охать?
Вот юное счастье -
его я спугнуть не могу...
Привал браконьеров...
И слюни пустившая похоть...
Заезжий сановник,
пирующий в узком кругу...

Жуки на булавках -
наколоты тайны на гвоздик.
Едва шелохнешься -
порушив мышиную тишь,
звонят негативы,
как антилокаторный «дождик»...
Тут рядышком правда,
да разве ее -
п о д г л я д и ш ь?!

Опомнись, подранок,
на жизнь обреченный войною!
Кому ты судья?
И какой от коллекции прок?..

Иду со двора -
он следит не мигая за мною,
оптический глаз,
затаивший дыханье курок.

Бьют сваи под пристань.
Растут, как плотины, тревоги.
Под гребнем запруды
шипит набухающий долг..
К себе возвращаюсь:
войду -
и споткнусь на пороге.
Ударит мне в спину
проклятое Степкино:
«Щелк!»

ОБЖИНКИ

Реву, споткнувшись о традицию:
ползучим заревом черня
живую землю отродившую, -
горит пожнивная стерня.
В соломенные переулочки
погромный гул валит, пунцов -
вздымают крылья перепелочки,
сзывая огненных птенцов,
и, судорожно сдвинув плечики,
посмертной нотою звеня,
из-под колес летят кузнечики
живыми каплями огня!

Зачем ползут ежи и полозы
в застенки брошенных кошар,
когда навстречу лесополосы
сухой прикапливают жар -
и золотыми виснет сотами
воспламененная листва,
и дымными коловоротами
уходят в небо дерева!

Мое пространство вмиг порушено,
когда, достоинства полны,
холмы ольвийские в Парутино
дурным огнем опалены!

О чем молчим ночами лунными
на плоской тверди нежилой?
Мы были гетами и гуннами,
а стали хлебом и золой.
Пока ножи за голенищами
врожденным голодом горят,
мы будем вечно полунищими -
косоворотный продотряд!

Кочуй, кучумье племя хамово,
подножный прах взойдет с нуля...
На сотню верст, до моря самого -
горит, горит, горит земля!

БРАКОНЬЕРСКАЯ БАЛЛАДА

- О чем, рыбак, твои печали,
ответь суду,
чего ты ищешь на причале?
- Я брата жду.
- Забыв поруку и обычай,
кому ты мстил,
мотню с артельной добычей
на дно пустил?..

Он отвернется от вопроса,
сглотнет вражду.

- Погасла, - скажет, - папираса,
я брата жду,
стою над голыми песками,
седая масть,
хмельными левыми кусками
наелся всласть,
ватага срезанные сети
вернет назад,
а я один на целом свете -
ты слышишь, брат? -
пока я загребал без толку,
родной сынок
в сердцах схватился за двустволку,
деля кусок,
и я сегодня, как заплата,
весь на виду...

- Да у тебя же - нету брата!

- А я все жду!

Того, чье горло не осипло
по кабакам,
одно лишь солнце щедро липло
к его рукам.

Того, кто видел в лютой качке
кефали свет,
того, которому рыбачки
смотрели вслед -
был ясный парус на лимане
его добром...

Того, что сгинул на Тамани
в сорок втором.

...Луна на волнах - будто дырка:
черна, кругла.

Неужто брата бескозырка
к нему всплыла?

Из глубины восстала глыба,
открылась дверь:

«Я столько лет молчал как рыба -
спрошу теперь!

Слепая сытость ваши лица
в узлы сплела -
недаром скумбрия-царица
от вас ушла!

Штрафная роща

Недаром в дедовские днища
вцепился ил -
коль честный парус на горище
без ветра сгнил!..»

Рванулись волны, будто волки! -
водоворот...
Рыбак навскидку из двустволки
по брату бьет!
Не понимает он покуда
свою беду!..
«Не подходи, - хрипит, - паскуда,
я брата жду...»

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Глянул с воды - и уже оторваться не в силах:
после бетонных берлог и жилкопов казенных -
сколько изящества в этих окраинных виллах,
где вечером подстригают траву на газонах.

Что, показуха, кураж бутафорский? Так нет же:
губы в малине, и тучные грядки в укропе.
Пряничные теремки,
расписные коттеджи -
братский привет вожденной и сытой Европе!

Сколько величья в спокойных лощенных мужчинах,
чей аппетит осмотрительно уравновешен...
Но не хватает на чистых подворьях мощеных
будок собачьих
и рукодельных скворешен.

ПРИЗНАНИЕ

Что уста ему отверзло?
Тяжело потрянул, как грушу,
и в лицо дохнул нетрезво:
«Погоди, открой мне душу!..»

Что - открыть?
В мои потемки
я и сам взглядеться трушу,
я и сам бреду по кромке,
мне - мою - откройте душу!

Исходив моря и сушу,
от бессилия немею...
Человек, открой мне душу,
сам - открыться не умею!

Век велик - мечта о малом:
кто в ответ аукнет, если
проповедников - навалом,
исповедники - исчезли?..

Нет желанья безоружней:
как записка без ответа -
у соседки незамужней
под дверьми полоска света.

Задержусь, почти поверю...
Но ни словом не нарушу
тишину прикрытой двери:
«Человек, открой мне душу...»

НОЧНОЙ НЫРЯЛЬЩИК

Осенней звонкой пряжи
еще на свете нет.

Шурша, летит на пляжи
луны полынный свет.

Глаза во тьму сужая,
я говорю луне:
- Прощай, моя чужая,
не думай обо мне.

Меня с ума сводила
немая глубина,
но путь наверх светила
размытая луна.

И непоколебимо
шептала в тишине:
- Я рядышком, любимый,
не думай обо мне...

ЛОВ СТАВРИДЫ В ЧЕРНОМОРКЕ

Давно хочу дойти до сути,
отведать соли океана,
но все топчу полоску суши
на стыке моря и лимана.

Зовя в моря, трубят турбины!
Но как ни рвут они поводья -
темны и сумрачны глубины...
Кипит живое мелководье!

Итак, проста моя планида:
гребу на зорьке, утром рано,
туда, где плещется ставрида
на стыке моря и лимана.

Не дачи, не добычи легкой!..
Судьба, храни такую малость,
чтоб над моей смоленной лодкой
звезда намокшая смеялась!

Чтобы душа зашла от боли
в мешке молочного тумана,
на грани счастья и неволи -
на стыке моря и лимана.

БАЛЛАДА О КУСТАРЕ

Памяти Марка Лисянского

Помню утро летнее, галдящие дворы...
Говорил клиентам он: - Будьте так добры! -
и работу песенкой начинал с утра:
«Видимо-невидимо на земле добра...»

В День Победы, выпивши законного вина,
он цеплял на выцветший китель ордена,
угощал мороженым стайку детворы,
говорил прохожему: - Будьте так добры!..

Он скрипел протезами, набойки набивал,
вроде бесполезную песню напевал,
и ее раскатывал сводный хор двора:
«Видимо-невидимо на земле добра!..»

Нету слаще лакомства, чем лимонад-ситро!..
Хорошея, прошлое шурится хитро -
сколько в той невыдуманной розовой поре
было слез, не видимых в видимом добре!

Штрафная роща

Дворик в десять сажений, наивное вчера!..
Нынче - хоры слаженной, грамотней игра.
Самому бездарному в хоре - свой расчет...
Но к певцу кустарному очередь растет.

Рад гостям непрошеным упрямый человек:
он ботинкам сношенным продлевает век,
молотком и дратвою воскрешает вдруг
навсегда за правдою стоптанный каблук.

Чинит героически, в чем идти вперед.
Щурясь иронически, песенку поет.
Песенка - не выдумка, не игра пера:
видимо-невидимо на земле добра.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛОЙ ДОЧЕРИ

Можно, я скажу тебе сам
то, что недосказано вслух?
Бродит по январским дворам
Рождества невидимый дух.
Ветер, улетающий прочь.
Шорохи родного жилья...
Я тебя люблю, моя дочь,
юная кровинка моя.

За окно гляжу тебе вслед -
прошлый, как седой печенег.
Будет через тысячу лет
землю опечатывать снег.
Будет снег - такой же, точь-в-точь,
будет правнук - вылитый я.
Я тебя люблю, моя дочь,
юная кровинка моя.

Может, я кругом виноват,
но храню в душе про запас:
как над морем птицы летят -
ниточкой, связующей нас.
Поезд, убегающий в ночь,
лунная в снегу колея...
Я тебя люблю, моя дочь,
юная кровинка моя.

ПЕРЕД СВЕТОМ

В темноте проступает ограда.
Я не сплю:
я откину брезент -
и в тиши осторожного сада
различу говорок винограда
и акации южный акцент,
хлопотливой петунии лепет,
босоножек по гравию скрип,
всхлипы шлюпок,
и звяканье цепи,
и бессонное шлепанье рыб.

Сквозь живую беседку увижу
невесомое тело луны,
и тумана молочную жижу,
и лимана глубокие сны.
И в ночной огородной пустыне,
где светясь разрежается дым, -
инфракрасное марево дыни,
перечеркнутой стеблем сухим.

МОСТ

Поэма

1.

Гладь реки - сыромятно и лихо
перетянет заливистый свист!..
Оторвусь от снастей: «Корениха...
Загуляла, родимая?..»
Мглист
правый берег -
просвета не сыщем:
суховеями склоны обрив,
Корениха вросла корневищем
в кособокий заречный обрыв.

Кто там бродит, навеки пропащий, -
за рекой, за мостом, за межей?
Как хлыстом -
закидушкой свистящей
достаёт меня берег чужой.
Всхлип! -
и волны расходятся тихо,
будто кольца столетнего пня...
«Ты зачем, - бормочу, - Корениха,
но ночам будоражишь меня?»

Зарастают обрывы...
Не мучай -
берега не смыкаются встык!
Я давно позабыл твой дремучий,
колдовской конокрадский язык.
Красных бакенов мерные вспышки
счет копят -
и на черном табло
зависает фонарь телевышки,
как посадочный знак НЛО...

Подхвачусь!..
И, впечатав в сетчатку
темный берег, -
в ответ, как прашу,
раскручу на веревке свинчатку,
намотав обороты, пушу!..
По инерции хрустнет ракушка,
и, качнувши подмостка весы,
на приколе заклохчет катушка,
истончаясь до свиста лесы.

«Налетай, - говорю, - Корениха!
Не упустишь кусок дармовой -
на приманку из хлеба и жмыха
попадаться тебе не впервой!..»

Штрафная роца

Растеряха...
дуреха...
прореха...
Шевельнутся звонки на колках -
и аукнется донное эхо
в складках памяти,
как в тайниках.
Нить - внатяжку!
А дальше - ни шагу:
чуть рванешь -
закидушка в клочки...
Не иначе в какую корягу,
как собаки, вцепились крючки.

Боль сырая,
да память-грибница,
да беспамятная ворожба:
«Ой, стоит под горою криница,
над криницею верба...»

Зябнут руки.
Поспешно и жалко
зажигалку сжимаю в горсти.
Знатный клев...
«Но такая рыбалка
не по мне, - говорю, -
отпусти!»

Клочковатый сосед-горемыка,
оправляя японскую снасть,
«Беломором» пыхтит: «Корениха!..
Разгулялась, моченая, всласть».

2.

Здесь когда-то служил переправой -
двадцать лет, аж от самой войны -
мост, крещенный саперною славой,
стертый шинами до белизны,
из-под ног уходящий, бессонный,
с жестяным фонарем на краю -
разводной, топляковый, понтонный,
в два наката, в одну колею.

Со вчера расхлебавшись насилу,
хлипко дышит, из бревнышек сшит.
Но подошвы шуршат по настилу -
Корениха на рынок спешит.
Катят мимо серьезные грузы,
мчат начальники - всем недосуг..
А у баб на закорках - арбузы,
баклажаны, картошка и лук.

Мост запруживал реку, двужилен.
А когда берега размыкал -
дядя Федя по прозвищу Филин
с плоскодонкой своей возникал.

Штрафная роца

Габардиновый китель - примета,
две заплаты на тощем заду..
Он в фуражку защитного цвета
собирал водогребную мзду -

и молодки кидались, как в омут,
оскользаясь на жилах коряг,
в расписной дяди Федин дредноут
под названием «Крейсер «Варяг».

Оседала шатучая лодка -
напролом, оттесняя куму,
перла с моста румяная тетка
коромысло корзин на корму.

И качалась отчаленно суша,
и кручинились в створке реки
телогрейки, жакетки из плюша
да на спинах
крест-накрест
платки.

И, вальками ворочая, взмылен,
полукружьем под мышками соль,
дядя Федя по прозвищу Филин
смаковал свою кормчую роль.

Сиясь дух перевесть,
фордыбачил:
«Ишь, налезли -
на рупь вчетвером!
Видно, мало я вас накулачил
в тридцать первом
и в тридцать втором!..
Все жиреете, мышки-норушки!..»
Пьяно шурился глаз-ватерпас -
и качались они, как на мушке,
в испытующей прорези глаз.

«Ладно, ладно? Гоните-ка стопку,
на кой ляд ваши гроши-гроши...»
Кукурузную выдернув пробку,
наливали ему от души.
И, течение срезав под угол,
он, лозовую высадив рать,
обжигался - и радостно ухал:
«Ух, крепка!..
На кореньях, видать!»

И, дурные расходуя силы,
вслед орал, аж бурлила вода:
мол, клянусь, я тебя до могилы
не забуду
никогда!

Штрафная роща

3.

Лунный пригород - это улитка:
непроглядные складни ворот
да в крапиве глухая калитка...

Город - рядом.

А здесь - огород.

Погребов черноземные тени,
парниковая топь молока,
астматический приступ сирени
да сверчковая строчка движка.

Город крепко дымит.

Но при этом -

гуще одурь воздушных слоев
в сонном пригороде, перепетом
поколениями соловьев.

Здесь шаланда под ветром вздыхала,
и, редиской дразня города,
полосой пограничной вспухала
свежевскопанных грядок гряда.

И хозяйка в жакете кургузом,
прокаленной ракушечных стен,
свои руки - в довесок к арбузам -
на базарный бросала безмен.

Был достаток отнюдь не украден,
он безжалостных стоил трудов.
Впрочем, дети крестьянских окраин
не любили торговых рядов.
Не чета городскому сословию -
ясный взгляд и сгущенная кровь...
Палисадники пахли любовью,
поножовщиной пахла любовь.

Погребала тебя завирюха,
на костях зеленело былье...
Но ночами я чувю, старуха,
корнесловное эхо твоё.

Набрякают сады,
а мозоли -
землеродного клубня темней,
и гойдается месяц в подоле
меж босых корчеватых ступней.

И усталость на берег кренится,
оползая, как тень от горба...
Ой, стоит под горою криница,
над криницею верба...

Штрафная роща

Ворот вскрикивал
вороном вещим
под вербой,
и с прадедовских пор
каждый знал,
что ее корневищем
схвачен накрепко весь косогор.

.....

Примывными песками заилен
той истории кирзовый след.
Тощий Федька по прозвищу Филин
в Коренихе возглавил комбед.

Желторот, чуть отсохнув от титьки,
жаждал чуда, свободой пьян!..
А в дырявых карманах у Федьки -
лишь печать да тяжелый наган.

Хваткий взгляд, несговорчивый, рысий.
Что ни слово - то сабельный взмах!
Как пришелец из будущих высей -
с межпланетною жаждой в глазах.

Он сулил, непреклонно и громко,
от всеобщего счастья ключ.
Начиналась Великая Ломка,
раскорчевка окраинных круч.

В справедливое царство свободы -
вход голодным, а прочим нельзя!..
От рыданий шатались подводы,
раскорчеванных вдаль увозя.

Хлещет ветер рогожею мятой,
оголяя костлявый хребет
над нетопленной Федькиной хатой,
где с утра митингует комбед.

Степь курится, завьюжены тропки,
липнет стужа плечом к косяку!..
И уже ни растопки, ни стопки,
ни соломинки, ни кизяку.

Нет лютее последних метелей!
Но сверкнула идея во лбу..
В аккурат перед вербной неделей
богоборцы рубили вербу.

При нагане, зловещ и всеилен,
оглашая заречную даль,
ухал Федька по прозвищу Филин -
и звенела каленая сталь!

Колокольные лопались жилы,
рухнул ствол от неравной борьбы -
и вгрызались голодные пилы
в неподвижное тело вербы!

Штрафная роща

.....

Годы шли.
Удержались старухи
у дворов, не имевших цены.
Повалили гурьбой в ремеслухи,
Корениха, твои пацаны.

Потеряв независимый норов,
отдавали отцы поскорей
за худых заводских инженеров
крепконогих своих дочерей.

Ничего, что учены не слишком:
был бы ум аппетитом надут -
примененье отцовским кубышкам
в теневых лабиринтах найдут!

И, по швам грызунами распорот,
в дефицитах задохшись почти,
изумленно тарачился город,
трепыхаясь в торговой сети.

И росли, как прорехи, овраги,
висли корни по склонам крутым...
Но уже городские деляги
прицелялись к дворищам пустым.

И, накачанной силой играя,
по подворьям забил через край
суховеяного скифского края -
поливной унавоженный рай!

Пенсионные грядки белесы,
дряхлый вишенник просит дождя...
И впиваются в почву насосы,
комариную песнь заводя.
И не слыша глубинного крика
родников, обмелевших на треть,
наливается красным клубника -
и висит, и не может взлететь.

А земля налипает к корзинам,
алым соком полита, и вновь -
палисадники пахнут бензином,
и червонцами пахнет любовь.

Свадьбы - настезь!..
Хлещи из колонки,
инвалютное эхо, окрест!..
И горят золотые коронки
на здоровых зубах у невест.

Штрафная роща

4.

За фанерным досаафовским тиром
под ногами босой детворы
пролежала тропинка пунктиром
в царство солнца, гусей и травы.
И торчал здесь -
как пес, бесфамилен -
в кительке, пропотевшем до дыр,
дядя Федя по прозвищу Филин,
охранявший досаафовский тир.

Из щелястого зыркая мрака,
цепко бдил и мишени стерег -
он, буденовский первый рубака,
ворошиловский бывший стрелок.
Наблюдал, по-бобыльски изжеван,
как из всех переплетов и жил,
недорублен и недокорчеван,
дух хозяйский -
опарой всходил!

Набухала несметная завязь,
изнывала по пчелам пыльца...
И калилась идейная зависть
в нестигаемом сердце борца.

В пору ягод, чумея от злости,
рыскал он по ночным колеям -
сеял гнутые ржавые гвозди
на беду наживным «Жигулям».
Над рекой, где сирени отары,
разбредаясь, заполнили склон,
полошил предрассветные пары
божевольными воплями он.

.....

То ручей черторойный клокочет,
и, себя беленой опьяня,
белоглазая птица хохочет
под горой у трухлявого пня.

Ни луны, ни собачьего бреха!
Корневище когтями разрыв,
воет в ночь разрывная эпоха,
испытывавшая нас на разрыв!

На ветру ошетинаясь, как стреха,
оживает зализанный страх...
Воет ночь -
и колотится эхо
в хромосомных моих тайниках!

Штрафная роща

Эхо веры, и вечных авралов,
и побед, и потерь на корню...
Где вы, ветви, с которых сорвало
и развеяло прахом родню?

Над обглоданной ветром стернею,
добровольного рвенья полны,
за державной секирой стальнойю
дуроломные шли колуны.

И рубили, пылая задором, -
только щепки несло сквозняком!..
Где ты, лес родословный, с которым
я на веки веков незнаком?

Самозванец над площадью древней
восходил -
и от взмаха руки
вверх корнями летели деревни,
будто сорванные ветряки!

И враскачку -
где рысью, где шагом -
под наркозом наркомовских грамм,
пол-России пошло по общагам,
по казармам и по лагерям.

И ровнялась в колонны стихия,
за отцов отвечали сыны...
Как поют корневища пустые
над кладбищенским полем страны!

Я не знаю ни деда, ни бога,
но качнусь в эту ночь на призыв.
Ну о чем она воет, эпоха,
где костями белеет обрыв?!

5.

Нынче память настрою, как телек:
сквозь помехи, коряги и рвы -
мреет детства безоблачный берег,
царство солнца, гусей и травы.
И оттуда, привычно прицелясь,
заскорузлый и черный, как жмых,
он глядит - одичавший пришелец,
что когда-то отстал от своих.
И парит над заречной горою,
над сияньем сухих кукуруз,
НЛО довоенного кроя -
козырной дяди Федин картуз.

Ну а мимо пыхтят сухогрузы -
басовитые виснут гудки,
и цветут нефтяные медузы
на рабочем изломе реки.

Штрафная роща

И, янтарным огнем осиянны,
новостройки тяжелых судов
от завода идут в океаны
мимо частных корявых садов.
Мимо круч, где бадылье дымится,
где желты берегов отруба,
где когда-то белела криница
и росла у криницы верба,
мимо гнезд, над которыми стыло
всходит месяц, как свежий распил...
Есть фарватер - движение и сила.
Остальное - беспамятный ил.
И пацан, от свободы счастливей,
чем от благ, распирающих дом,
все торчит на ползучем обрыве -
и пинает его каблуком.

* * *

Пружинающий родник, светящаяся роша,
роящихся листков пропащая судьба...
Природа, говорю, в тебе - светлей и проще,
не спрашивай, зачем, -
впусти меня в себя!

Ты, затаившись, ждешь
и дверь не открываешь,
своих сомнений дрожь в один итог сведя.
Хорошая моя,
минувшая,
товарищ! -
теперь уже навек -пусти меня в себя.

Я рошу пролистну, ответа не найдя,
с платформы в небеса осенние взгляну -
и засквозит в лицо дыхание надежды:
«Впусти меня в себя,
не оставляй одну!..»

АКАЦИИ ЮЖНЫЙ АКЦЕНТ, или ИНЪЕКЦИЯ МЕТАФОРЫ

О поэзии Владимира Пучкова

Помню, Владимир Пучков несколько лет назад прочел мне свою новую поэму «Переход» (жанр, правда, был обозначен как киноповесть) и заметил:

- Тут надо еще по прилагательным пройтись...

А прилагательные и в этом, первом, варианте были превосходны. И дело не только в них. Слова у поэта крепко сцеплены одно с другим. Есть строчки, которые тут же хочется прочесть вслух: «сгусток бессонниц, угластые тени у глаз...», об офорте: «игра иглы и голой глади», о метро: «будто конвейер, людей выдыхает дыра, прачечным паром клубясь у тебя за плечом». Звезда у него бьется в падучей. Телек - незыблем, как саркофаг. Метро переходит в подземный раскоп. Листва и дождь объединены сводным лепетом.

* Но замедлим у прилагательных. У поэта цепкий, ухватистый глаз (речь не только о «Переходе»). «Ванильный настоящий быт», «подмороженный март», «кофейни тропический запах». Иногда прилагательное превращается в существительное, но это не ослабляет, а лишь напрягает поэтическую речь:

...И почти невесомо висели
над водой чернобривцы-шмели.

Скажите живописней!

Я давно не встречал такой упрямой, такой плот-

ной интонации. Поэзия последних лет - что в столицах, что в провинции - стала эстрадно-рыночной: интонация для нее слишком большая роскошь! А тут, например, реплика, обращенная к женщине:

Ты - не простившая меня,

ты - обращенная ко мне.

Попробуйте прочесть это вялым бесполом голосом. Тщетные усилия! В этом смысле (интонационном) давно пленила меня пучковская «Отмель». Это одно из лучших стихотворений русской поэзии (во всяком случае, последнего десятилетия). Привожу его целиком:

Утром лежишь, золотая от сна,
свежая, нежная...

Ты мне насквозь, до песчинки, ясна,
отмель прибрежная.

Илом летучим вспухают следы,
стаяка щекочется.

Завтра достигну глубокой воды,
нынче - не хочется.

Брызнет пунктиром по глади голыш...

Хоть бы не отняли

чуткую пустошь, слепящую тишь
утренней отмели!..

Когда-то я легкомысленно попрекал своего младшего друга в том, что он пишет мало. Только теперь я понял, что поэзию такого лирического напряжения на поток не поставишь.

* Я запланировал в литобъединении «Рефлектор»

Штрафная роща

занятие «Инъекция метафоры» (по книге В.Пучкова «Вечерний чай»). А что пучковские прилагательные как не метафоры с их укольным (сейчас бы сказали - прикольным) эффектом?

И опять они не дают покоя глазу: «лоснятся баклажанным лаком закрылки жаркого жука» (не говорю уже о том, как жужжит эта строчка). О древних казацких люльках, выброшенных на берег: «носогрейная глина», «омут штопорной тяги», «преисподняя вода»... «Обесточенные губы» охладевших любовников... Поймут ли студии истоки моего восторга? В пору, когда литература довольствуется уличной языковой жвачкой, пробавляется жэковским мусором, хламом бесхозных скверов? Поэзия земляка переключается с «новой», как ее принято называть, прозой В.Катаева. Жаль, что Валентин Петрович, великий властелин метафор, никогда уже по-одесски оценочно не цокнет языком, радуясь, что слово еще живет. Агонизирует, но и живет ведь!

* В.Пучков - последний из могикан, кому удаются поэмы. Как правило, то, что у нас называют поэмой, - всего лишь растянутые стихи с едва намеченным сюжетом, анемичными героями и выпренной риторикой. Я уже упоминал «Переход». Загадочная вещь. Главы ее монтируются, как эпизоды в фильме. Герой поэмы (в детстве детдомовец), майор и летчик-ас, комиссованный после аварии самолета в 35 лет. В конце концов, он вынужден стать инструктором по гражданской обороне. Поэма прослоена балладами,

песенками, но главным образом - фиалками. Они - и весна, и вопросительный знак природы, и метка от госпитального шприца (перечитывал «Переход» в кардиологии, под капельницей. В одной руке - игла, в другой - книжка Пучкова. Когда сестра после процедуры выдернула иглу из вены, я взглянул на цвет метки - точно, фиалковый!). Этим цветом мечены и мигалки милицейской машины, и тление рентгеновской лампы... Цвет становится действующим лицом, ведет сюжет, манит за собой, утешает.

* Рифма - поводырть мысли. «Любовь-кровь» не потому плохо, что примелькалось, а потому, что залапанная рифма тянет за собой залапанную мысль. В.Пучков дарит нам россыпь веселых неожиданных созвучий: «коварней - кавярней», «дремотном - ремонтом», «соленый - салоны», «нектара - кентавра», «перепорченном - перепончатым», «не смешно лишь - несмышлелыш». Дерзки и почти скандальны его диссонансные рифмы: «обочины - обучены», «исхожены - из хижины», «росинок - рисунок», «неготовом - негативом». Цветаева как-то сказала: «Поэта далеко заводит речь». Рифма заводит еще дальше.

* В поэзии Пучкова много нашего края. Все мы живем на этой земле, но только он расслышал здесь «акации южный акцент», увидел в ночи «инфракрасное марево дыни, перечеркнутой стеблем сухим», берег, обросший, как ракушками, «чешуей перевернутых лодок». Приметил, что «тополя покрыты именами перекрестков наших и годов», ненароком угля-

Штрафная роща

дел на кинбурнском прибрежном песочке «сквозь перья осоки», что «тела отпускных горожанок назойливо светят укромной своей белизной». Живем на одной земле, но поэт расслышал, увидел, приметил, а мы - прошли мимо. Слепые и глухие!

* Свободное от работы время В.Пучков отдает поэзии, а несвободное - «Вечернему Николаеву», газете, которую редактирует вот уже десять лет. О, я хорошо знаю тщету газетного листа! Несколько лет на заре туманной зрелости я сотрудничал с николаевской молодежной газетой. Газета обладает всеми качествами вампира. Разве что вместо крови высасывает из тебя строки, строки, строки... Чуть не ежедневно. Исполкомовские совещания, депутатские склоки, городские проблемы, рыночные страсти, обиженные старики, юбилеи, школы, сенсации... Когда видишь заслуженного журналиста Украины, депутата горсовета В.Ю.Пучкова, отрешенно вперившегося в дисплей компьютера, невольно задаешься мыслью: как же все это в нем соединяется - газетная, живущая одним днем, публицистика и тонкая вязь лирического стихотворения, как ему удастся злобу дня превратить в доброту дня, чтобы, не колеблясь, воскликнуть: «Видимо-невидимо на земле добра!»

**Эмиль Январев,
поэт, лауреат Всеукраинской
литературной премии
имени Н.Ушакова.**

СОДЕРЖАНИЕ:

«Разве этим я смолоду грезил...»	4
Зима в Черноморке	5
Штрафная роща	6
Плач по казацким люлькам	9
Письмо	11
Свеча в окне	13
Покровская ожина. <i>Поэма</i>	14
Ягорлык	17
Ракушка	19
Военно-морские учения «Си-Бриз-2002»	20
След болотный	22
Золотые ворота	24
«Уходи, покуда снег не выпал...»	26
Песенка о встрече на стоянке такси	27
Львовская площадь	28
Старый блокнот	30
«Мне грустно - потому что мне не больно...»	31
Отмель	33
Кинбурнский офорт	34
Ремонт	36
Мичман В.И. Даль в Николаеве (1823)	37
Воспоминание о конноспортивной школе.....	39
Куклы	40
Ольвийский причал	42
Степка. <i>Поэма</i>	44
Обжинки	49
Браконьерская баллада	51
Царское село	54
Признание	55
Ночной ныряльщик	57
Лов ставриды в Черноморке	59
Баллада о кустаре	60
Колыбельная для взрослой дочери	62
Перед светом	63
Мост. <i>Поэма</i>	65
«Пружинящий родник, светящаяся роща...»	82
Эмиль Январев. Акации южный акцент, или Инъекция метафоры (О поэзии Владимира Пучкова).	83